

Григорий Померанц

Размышления в духе Коэльо

После всего, совершившегося в Беслане, приходится многое заново продумать. Чеченский тупик – наглядно зримая часть нашего русского тупика – и мирового тупика, где вырос глобальный террор. Я писал об этом в журнале «Искусство кино», 2003, №№ 7, 8, 9. Но размах зла в Беслане вышел за все предвидимое. Он говорит о каком-то перерождении человеческой природы. Что там было заранее продумано – и кем продумано?¹ Что творилось в истерике, может быть, в наркотическом дурмане? Много непонятно. Но есть общее условие всего случившегося: состояние войны в Чечне. И здесь многое поддается анализу.

Существует мировой опыт: национальные движения, разбитые в открытом бою, но не сломленные, переходят к террору. Таков опыт Алжира, опыт Палестины. Почему он не был учтен? Почему надо было буквально повторить его, чтобы понять: грабли, на которые вы наступили, бьют по лбу?

Пока идет классическая война и у восставших есть расчет повторить опыт Вьетнама – измотать противника и заставить его уйти – террора нигде не было или почти не было. Единичные покушения не в счет: это норма

¹ Судя по рассказу осетина, назначенного на расстрел, но выпрыгнувшего в окно, озверение нарастало по мере того, как ситуация становилась все более и более тупиковой. Путин не давал согласия на переговоры и не давал приказа на штурм. Террористы ошибочно думали, что он прижат к стене, что он вынужден будет начать переговоры. Примерно так Черчилль считал, что Сталин вынужден будет помочь Варшаве, восставшей под руководством генерала графа Бура-Комаровского. Иначе погибнут сотни тысяч в Варшаве и еще сотни тысяч советских солдат при форсировании Вислы по льду. Расчет Черчилля провалился. Сталин согласился на гибель миллиона людей, но не на изменение своей политики. Примерно так же – в своих масштабах – действовал Путин. Он спокойно ждал, пока напряженная ситуация взорвется сама собой и само собой начнется штурм, а потом, сохранив формальное алиби он еще больше ужесточил свою политику. «Около трех часов дня, после того как боевики посмотрели очередной выпуск новостей, они совсем озверели. «Ваш Путин, похоже, недооценивает нас, - сказал заложникам полковник. – Мы покажем ему всю серьезность своих намерений». («Власть», 2004, № 38, с. 28-29).

любой партизанщины. Террор начался в Алжире после отступления алжирских партизан в Тунис, в Палестине – после трех проигранных арабами войн, в России – после «антитеррористического» похода и установления контроля федералов надо всей территорией Чечни. Прекращены были разбойничьи набеги на Ставрополье и начался террор по всей России.

В конце ельцинской войны был рейд Басаева в Буденновск, – но это скорее демонстрация возможности террора, угроза террора, еще без отчаяния, без озверения, без шахидизма, без вопля: «мы не люди, мы террористы». Буденновск был одним из толчков кончать войну, но не последним. Последним ударом была проведенная Масхадовым переброска боевиков в тыл федеральных войск и захват Грозного. После этого аналога Дьен Бьен Фу начались переговоры.

Мировой опыт показал и две возможности выхода из тупика. Первый – решение Де Голля отказаться от трех французских департаментов, расположенных в Африке, с населением в миллион французов. Уход был в глазах великого патриота меньшим злом, чем сохранение территории ценой вырождения французской армии и пыток захваченных в плен террористов. Франция от этого не распалась и не потеряла своего статуса великой европейской державы.

Вторая возможность досталась Израилю. Ему некуда было уходить. Оставалось вести переговоры, не переставая огрызаться, постоянно совершенствуя антитеррористическую защиту. Что до переговоров, то у Израиля та же трудность, которая сегодня стоит перед Россией: не все террористы подчиняются законно избранному президенту и заведомо никому не подчиняются глобальные террористические организации. Я опасюсь, что и в случае соглашения с Масхадовым, с Басаевым и даже со всеми удельными князьями Чечни – ал-Каида найдет помощников среди молодых мстителей (за убитого отца, за изнасилованную сестру и т.п.).

Действия Де Голля оказались благотворными для Франции, а действия израильской администрации, по крайней мере, дали возможность Израилю

существовать в море ненависти, окружившем эту маленькую страну. Но ни один пример не может быть полностью перенесен в другую обстановку, с другими действующими силами. Что же собой представляет обстановка на Кавказе?

Начнем с того, что вторая кавказская война началась не в 1994 г., а в 1938-м. Горная Чечня восстала против сталинского Большого террора. Вся страна тогда дрожала от страха. Снимаю шапку перед безумством храбрых. Но с этого начались и завоевательные планы храбрецов. Я прочел о них в мемуарах Авторханова (в прошлом – ученика Бухарина и красного профессора, а в будущем – автора замечательной книги «Технология власти»).

Когда Берия пригрозил чеченцам, что их всех сошлют, если они не убедят своих соплеменников сложить оружие, то решено было сперва напугать Авторханова, и его поставили в шеренгу на расстрел, а затем выхватили из нее и послали к Исраилову, руководителю восстания, – заразить его своим страхом и морально сломить. Авторханов давно был в тайных отношениях с Исраиловым и сразу же перешел на его сторону. Когда на Кавказе появились немцы, Исраилов послал к ним Авторханова с предложением союза против общего врага – Сталина. Подробности можно прочесть в журнале «Октябрь», 1992, № 10. В конце мемуаров мое послесловие, написанное по просьбе редакции. Широкая публика мемуаров не заметила. Не до того было в 1992 году.

Вторым актом трагедии была поголовная ссылка чеченцев и ингушей (из которых вряд ли один из десяти или ста тысяч знал о плане Исраилова). Как все это делалось, как из вагонов доносились детские крики хи! хи! хи! (воды!) описано у Приставкина в повести «Ночевала тучка золотая».

Третий акт – бездействие московского руководства, когда погромщики три дня резали, насиловали и жгли на кострах армян в Сумгаите. По-видимому, Горбачев с Лигачевым не могли договориться, что делать. Имперская власть, допуская погром, лишает смысла свое существование и дает знак храбрецам: кто смел, тот два съел. Чечня начинает готовиться к

независимости. Ингуши отказались принять участие в игре. Им показалось выгоднее оставаться в России. По-видимому, за этим стояло «ингушзолото», успешно конкурировавшее с государством в торге со старателями. Во всяком случае, в Ингушетии верх взяла экономически развитая равнина, в Чечне – воспоминания горцев о державе Шамиля. Мне бросилась в глаза аналогия с Шотландией XVIII века: хайлендеры восставали, лоулендеры торговали.

Четвертый акт: независимость провозглашена. Руцкой объявляет чрезвычайное положение, Ельцин это решение отменяет. Он занят борьбой со своими противниками в Москве. Только в 1993 г., после усмирения Верховного Совета, начались беспомощные попытки свергнуть Дудаева, опираясь на чеченскую оппозицию. Между тем, в Чечне шел вялотекущий погром. Дудаев был бессилён остановить его. До 250 тыс. русского и русскоязычного населения бежит из Чечни. Абдулатипов считал, что Дудаев все же остается властью, с которой можно вести переговоры. Грачев убеждал Ельцина, что возьмет Грозный силами двух батальонов.

Пятый акт: Ельцинская война, чеченцы ведут ее с оглядкой на русское общественное мнение и выигрывают в СМИ и на поле боя. Русская совесть не выдерживает кровавых жертв среди мирного населения. Назывались цифры в 100 тыс. погибших при штурме Грозного.

Шестой акт. Обе стороны дурно используют передышку. Русские власти ничего не сделали, чтобы вызвать к себе уважение. Чеченцы не смогли установить единую власть. Равнина проголосовала за Масхадова², символ переговоров, символ мира, но у Масхадова не было своей боевой дружины, а у Басаева она была. Он создал ее еще в Абхазии, когда иррегулярные русские и северокавказские части в едином союзе помогали Арзинбе. Батальон Басаева был грозой грузинской армии.

² Комментаторы говорили также о расколе по возрастным группам.

В обстановке анархии возрождается древний промысел горцев: захват заложников с требованием выкупа. Басаев пытается утвердить себя как эмира, если завоюет Дагестан. Дагестанцы его не поддержали, но мир был сорван.

Седьмой акт: можно было просто прогнать Басаева, можно было ликвидировать его, как это делали израильские спецслужбы. Москва предпочла большую войну. Потери от террора шахидов быстро превысили потери от бандитских набегов на Ставрополье. Еще до Беслана погибло более 900 человек. Это можно было предвидеть, исходя из опыта Алжира и Палестины, но почему-то не было принято в расчет. Постепенно в игру стали входить силы глобального террора; вряд ли они отступят. Процесс Буданова показал, что чеченцам нельзя рассчитывать на российский суд³. Процесс Ходорковского показал, что даже олигарх бессилён перед президентом. На что же рассчитывать чеченцу? Что может удержать его от традиций кровной мести?

Допустим, что начались переговоры и установлен какой-то переходный режим. Можно ли, даже за много лет, при самой разумной политике, приучить всех чеченцев, в том числе горных, жить в российской автономии? После всего, что было? И нужно ли России восстановление ленинско-сталинской системы союзных и автономных республик, автономных областей и округов? Она хорошо смотрелась на фоне колониальной Индии, полуколониального Китая и т.п. Но в семидесятые годы система, установленная в 1922 г., смотрелась как мамонт, вылезший из вечной мерзлоты. В изменившемся мире колониализм сменился неоколониализмом. Французы назвали его «присутствием». В Африке южнее Сахары «присутствие» (в экономике и культуре) в общем удалось, в странах Магриба столкнулось с активизацией ислама и оказалось менее эффективным. Мне кажется, выстраивая заново систему отношений на Северном Кавказе, надо учитывать и этот опыт, и опыт Швейцарской федерации, единой, несмотря на трения между французскими и

³ См. статью Г.Бакланова «Улица Буданова», «Итоги», 2004, № 39, с.62.

немецкими кантонами, и опыт национально-культурной автономии в Австро-Венгрии (при интеграции диаспор).

Советский модели 1922 г. давно нет. То, что осталось от нее, лишено внутренней логики. Сталин, стремясь замаскировать Большой террор показным ростом демократии, сделал несколько демагогических жестов: превратил автономные республики Киргизию и Казахстан в союзные и распустил Закавказский Союз Федеративных Советских Республик, пожаловав Азербайджану, Армении и Грузии статус союзных республик (результатом был рост национальных споров). Карельскую автономную республику преобразовали в Карело-финскую союзную республику, а затем вернули в автономное состояние. В заключение, Хрущев, продолжая политику русификации Украины, подарил ей (не спрашивая населения) полуостров Крым. С тем же успехом можно было бы подарить Чечню Грузии или сделать Чечню союзной республикой. Чем она хуже мимолетной Карело-финской державы? Не состоялась держава из-за отчаянного сопротивления финнов. Чеченцы тоже сопротивляются и будут сопротивляться. Террор – продолжение полевой войны. Нет никаких моральных препятствий для заключения мира. Два бывших террориста, Менахем Бегин и Ясир Арафат, получили нобелевские премии мира за соглашение, давшее начало нынешней автономии.

Что мешает последовать этому прецеденту? Запах взрывов в метро? Но убийство бомбами, сброшенными с самолетов, нельзя считать более достойным делом, чем действия шахидов. За обе войны, ельцинскую и путинскую, было убито 200–250 тысяч жителей Чечни, в том числе 30–35 тысяч детей. Бросать бомбы морально легче, чем убивать человека вплотную, но с точки зрения убиваемых разницы нет. На большой войне тоже были разные способы уничтожения противника и рукопашный бой не похож на стрельбу тяжелой артиллерии. Запомнились стихи Юлии Друниной:

Я сотни раз видала рукопашную,
 Раз наяву и сотни раз во сне.
 Кто говорит, что на войне не страшно,
 Тот ничего не знает о войне.

В рукопашном бою люди зверели. Или седели, как один мой знакомый. Такова война. Виновники не солдаты. Виновны архитекторы войны. И война не прекратится, пока и русские, и чеченцы не начнут бороться со своими ястребами. Нужен переходный период, период постепенного освобождения от ложных идей, ложной политики и ложных чувств. Дело спецслужб – защищать нас от действий «отморозков». Дело учителей, писателей, публицистов защищать наши души от взрывов ярости.

На мой взгляд, превращение Чечни в великую державу (как задумано было Израйловым и думается Басаеву) – такой же фантом, как «восстановление конституционного порядка». Однако идеи нельзя «нейтрализовать» силами спецслужб. Идеи можно только уравновесить другими идеями и другими действиями, дать выход энергии народа на поле мирной экономической конкуренции, как это удалось сделать с японской агрессивностью. А «нейтрализация» местных лидеров полностью отдаст руководство чеченским сопротивлением в руки ал-Каиде. Возможность переговоров будет отброшена на десятки лет. Все эти годы территория России будет полигоном глобального террора. Защитить тысячи российских Бесланов можно только в воображении: земля наша велика и обильна, но порядка в ней не было и нет. Пример Израиля нам не в прок: израильтяне не продают взрывчатку, чтобы купить мебельный гарнитур.

Я убежденный противник общей теории Л.Н.Гумилева о решающей роли «пассионарности» этносов и рыхлости «суперэтнических» образований. Я убежден, что в подавляющем большинстве случаев мировые религии подчиняют себе племена, превращают их в носителей христианства, ислама, буддизма. Говоря языком Гумилева, мировые религии, в известный период своего развития, были «сверхпассионарны», и не было во Христе ни эллина, ни иудея. Хотя отношения между эллинами и иудеями в I веке были не лучше,

чем сегодня у армян с азербайджанцами (см. С.Лурье «Антисемитизм в древнем мире». М., 1922).

Однако есть исключения из правила, есть народы с гумилевской пассионарностью. Они не очень сильны в метафизике и принимают господствующую в регионе мировую религию, но толкуют ее по-своему. Под оболочкой мировой религии продолжает жить племенная воинственность и готовность защищать свою племенную самобытность, не страшась смерти. Их можно на время подчинить, но при первой возможности они снова достигают независимости. Это вьетнамцы, афганцы и – как показала война – чеченцы.

Вьетнамцы тысячу лет прожили под эгидой южнокитайских царств, но при слабой династии отложились и создали Ан-нам, государство нам (Вьетнам означает «народный нам»; это современная терминология. Исторически все второе тысячелетие существовал Ан-нам). Три сильные китайские династии (монгольская, минская и маньчжурская) посылали карательные экспедиции, чтобы наказать ослушников. Вьетнамцы уходили в джунгли, ночными нападениями изматывали интервентов и заставляли уйти восвояси. Затем они помогали китайцам сохранить лицо и успокоиться. В Пекин (или в Нанкин, при Минах) посылалось посольство с примерно таким текстом: «мы, будучи варварами и живя по законам зверей и птиц, нарушили гармонию вселенной, нападая на войско Сына Неба. Мы раскаиваемся и посылаем дары». Пекинский (или Нанкинский) двор заносил извинение в свои анналы, посылал ответные дары и больше не наступал на грабли. Против пушек вьетнамцы не устояли, но привычными методами войны в джунглях измотали сперва французов, потом американцев и заставили их убраться.

Английские колонизаторы, покорив всю Индию, дважды посылали экспедицию в Кабул. Остатки этих экспедиций вернулись, не солоно хлебавши. Третьей попытки со стороны англичан не было. Была – со стороны Леонида Ильича Брежнева. С большим количеством жертв и с тем же результатом. Причем Афганистан – страна разноплеменная, с привычной борьбой между Югом и Севером. Что их объединяет, не знаю. Что отличает

горных таджиков – ядро Северного альянса – от прочих таджиков, – тоже не знаю. Возможно – высота гор. И это снова напоминает отличие хайлендеров от лоулендеров и горных чеченцев от чеченцев равнины.

Опыт Шотландии говорит за то, что экономическое развитие покоряет горы, но это было в XVIII в., а в XX-м и XXI-м процесс глобализации вызывает яростное этническое сопротивление; идет укрупнение этнических и суперэтнических единиц, и вьетнамцы, афганцы и чеченцы борются за то, чтобы сохраниться на следующую тысячу лет. Сможет ли Россия поладить со своим соперником? Я думаю, что это возможно. Малые народы Северного Кавказа не рвутся под иго эмира Басаева. Россия может сохранить свои позиции на северном Кавказе, как защитница малых народов от чеченских претензий на гегемонию. Но надо вести переговоры, глядя в лицо реальности, а не сталинской конституции. Если ввести согласительные процедуры, если ярость угаснет, формы взаимно выгодного существования удастся выработать.

На форуме интеллигенции года два тому назад я выступил против идеи просто уйти, немедленно уйти из Чечни. Это значило бы развязать оргию мести между чеченцами разных ориентаций и возобновление набегов на Ставрополье. Нужен переходный период, в том или другом варианте, возможно, какой-то кондоминиум с легитимным президентом Масхадовым, поддержанным федеральными войсками. Любой вариант здесь связан с риском. Но продолжение современной политики связано с несравненно большим риском новых террористических актов. С политическим руководством террора придется заключить мир, как это уже сделано в Северной Ирландии.

Но чего может добиться Россия, к которой нет доверия? В которой до сих пор нет настоящего парламента и независимого суда? Чего может добиться Россия, в которой закон – что дышло? К ней нет и не будет доверия. Выход из чеченского тупика возможен только для России, духовно обновленной, добившейся порядка у себя дома и заслужившей доверие к себе.

Надо преодолеть желание еще раз наступить на грабли и еще раз получить удар по лбу, еще и еще раз, пока лоб не выдержит...

Наступать на грабли – большой соблазн. Преодолеть его трудно. Но есть противовес ярости, и его не надо далеко искать. Он внутри нас. Надо обернуться внутрь. Антоний Сурожский много раз нам показывал этот путь. Он любил повторять строки, написанные в положении, еще более безвыходном, чем наше, – узником гитлеровского лагеря смерти:

«Мир всем людям доброй воли! Да престанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию... Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников...

Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости, Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы взыскать с них страшную расплату. Воздай им иначе! Положи на весы, в защиту палачей, доносчиков, предателей и всех людей злой воли – мужество, духовную силу мучимых, их смирение, их высокое благородство, их постоянную внутреннюю борьбу и непобедимую надежду, улыбку, осушавшую слезы... Положи все это, Господи, перед Твоими очами в прощение грехов, как выкуп, ради торжества праведности, прими во внимание добро, а не зло! И пусть мы останемся в памяти наших врагов не как их жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей. А когда всё это кончится, даруй нам жить как людям среди людей, и да возвратится на нашу исстрадавшуюся землю мир – мир людям доброй воли и всем остальным» (найден в архивах немецкого концентрационного лагеря и опубликовано в «Зюддойче цайтунг». Русский перевод, по-видимому, принадлежит вл.Антонию).

Записка ничего не говорит в конкретно политическом плане. Но ее дух – тот самый, который веет, где хочет, и всюду укрощает страсти. Научатся ли

наши лидеры не только держать свечку в храме, но проникнуться духом, которому воздвигнуты эти храмы? И не слишком ли долго они будут учиться?

Второй вопрос – к нам. Сумеет ли мы встряхнуться, как иногда встряхивались в прошлом? Очень много зависит от нас самих. Никакое начальство не повинно в том, что мусором завалены опушки лесов, что окурки бросаются в засушливом лесу и горят легкие России, что взрывчатку продают всем желающим.

Беслан потряс Россию. Но потрясение вызвало две разные волны. Одну – из глубины. Родилось сознание, что так дальше нельзя, что надо что-то делать – и люди несли свои деньги, свою кровь жертвам террора, не думая о счетах между осетинами и ингушами, между русскими и чеченцами. Другая волна – с поверхности, где никогда не стихают вспышки ярости, где царит грех...

Каждый грех, – учил нас вл. Антоний, – это прежде всего потеря контакта с собственной глубиной. Чем больше ярости, тем глубже мы заходим в тупик. Нельзя потушить пожар бензином. Нельзя выйти из тупика, стучаясь лбом о стены. Из тупика можно выйти, только вверх, по вертикали, поднявшись над вспышками слепой ненависти.

То, что мне хочется сказать и что я несколько раз пытался высказать, задолго до Беслана, ярче и талантливее удалось сказать Паоло Коэльо в интервью, опубликованном в «Итогах», 2004, № 39, привожу выдержки со стр. 76–77:

«Когда в Бразилии взяла власть военная хунта, нашлось немало молодчиков, которые решили помочь установить новый порядок. Они сочли меня матерым агитатором-коммунистом, в то время как я был всего лишь рок-поэтом. Меня долго держали в одиночной камере без окон, водили на допросы, надевая на голову капюшон. Раздевали догола, били и пытали электрическим током. Тогда я понял, что террор не имеет ни цели, ни смысла, ни оправдания. То, что я вижу сегодня, еще более ужасно. Это террор не ради идеи, а ради уничтожения. Вряд ли может быть что-нибудь страшнее Беслана.

То, что там произошло, оставляет шрам в душе каждого человека. Все мы немного умираем, видя детей, которые умирают на телеэкране.

–Все в России задают вопрос: что же надо сделать, чтобы это прекратилось?

–Мне кажется, мы можем многое. Не надо терять надежду. Только духовно состоятельные люди, те, которых я называю в своих книгах «воинами света», могут противостоять такой агрессии. Необходимо создать критическую массу таких людей и их влияния. Тогда со временем мы перевернем игральную доску и завладеем инициативой. Настоящий воин света понимает, что его поражение – это ступень к победе. А пока мы должны идти вперед, духовно преображать себя и своих близких.

–Преображение – вещь, конечно, хорошая. Но и от такой сиюминутной вещи, как политика, иногда что-то зависит.

–Да, совсем уйти от нее невозможно. Как сказал когда-то, кажется, Томас Манн, если мы совсем перестанем заниматься политикой, тогда политика займется нами.

–Но как именно? Я вспоминаю ваше открытое письмо Джорджу Бушу, в котором вы жестко критиковали его иракскую политику.

–Это вторая сторона вопроса: как действовать, чтобы не уподобиться террористам. Чтобы не исчезла грань между палачом и жертвой, победителем и побежденным. Настоящие воины света не забывают об этой второй опасности – об агрессии и терроре, которые ведь могут родиться и внутри собственной души. В письму Бушу я написал, что впервые после 60-х годов у меня есть ощущение, что появляется поколение людей, сознающих свою ответственность за мир. И добавил: спасибо вам за то, что разобщенные арабские государства на заседании своей Лиги впервые в один голос выступили против захвата Ирака. Спасибо за то, что мы наконец-то учимся объединять свои усилия. Правда, мое письмо не повлияло на политику в Ираке и режим оккупационных властей. Но мне и моим единомышленникам среди читателей это дало почувствовать нашу силу. Как вы видите,

американцы платят очень дорогую цену за эту войну. Мировая общественность уже настроена против них.

– У вас богатая биография. Вы побывали в застенках, в психиатрической лечебнице, в сатанинской секте. Без этого вас не было бы как писателя?

– Не думаю. Конечно, это был бы другой автор и писал бы он другие книги – возможно, ничуть не хуже. Вообще я не верю в то, что страдания помогают человеку расти. Мне кажется, они пугают людей и делают их трусами. Но некоторые испытания пройти необходимо. Хотя бы для того, чтобы показать самому себе, каков ты есть на самом деле. Поэтому если бы мне предложили какие-то моменты жизни прожить по-другому, переписать набело, я бы не стал этого делать. Что прожито, то прожито.

– И даже ваш революционный опыт? Вы когда-то читали Маркса, Ленина, обожали Че Гевару, звали на баррикады, скрывались от полиции...

– Мне несколько не стыдно за эти годы. Скорее наоборот. Но я хорошо понял: чтобы изменить общество, надо изменить самого человека. Если действовать обратным порядком – ничего не получится.

– Значит, воин света не может быть революционером?

– Не только может, но и должен. Он-то и есть настоящий революционер. Именно он меняет мир. Поэтому я и говорю: нужно достичь критической массы духовных и ответственных людей – тогда все изменится. Но это будет революция без насилия, революция без жертв. Потому что на самом деле насилие – это оружие слабых. И те, кто совершает теракты, и те, кто устанавливает политический порядок, расписываются в собственном бессилии».